

Первенство на курсе действительно было хорошим достижением, означавшим получение солидной стипендии в десять тысяч юаней, но для Ли Жун в этом не было ничего праздничного — подобные успехи давно стали для него обыденностью.

Они с Цэнь Сяо зашли в ресторанчик неподалёку от квартиры, перекусили простым раменом, после чего юноша вернулся домой и продолжил изучать записи на доске.

Выйдя на след Чжай Нин, Ли Жун не решался на опрометчивые шаги. Цэнь Сяо не мог открыто использовать ресурсы Девятого района, иначе об этом неминуемо узнал бы Хань Цзян. Пока они не были уверены, является Хань другом или врагом биотехнологической компании «Сухэ», и не нашли на него компромат, расширять круг неприятелей было опасно.

Ли Жун всё ломал голову над тем, как заставить Чжай Нин сказать правду. Сейчас её жизнь казалась безупречной: она блистала в лучах славы, была вечно занята работой и по-прежнему оставалась образцовой фигурой, вызывающей всеобщее восхищение. У неё не было «ахиллесовой пяты», какой для Хэ Даюна был его сын Хэ Чанфэн. Чжай Нин до сих пор не вышла замуж и не завела детей; она отдавала всё своё время карьере, и работа была для неё всем. В ней не чувствовалось ни глубокой веры, ни явных слабостей, что лишало юношу удобной точки для атаки.

Они подумывали о том, чтобы подкупить кого-то из персонала центральной больницы «Цзяцзя», но рядовые сотрудники могли не знать всей картины, да и риск спугнуть цель был слишком велик.

Впрочем, до наступления кануна Нового года оставались считанные дни, так что спешить было некуда. Он просто переставил доску так, чтобы она всегда попадалась ему на глаза по пути из спальни в ванную — возможно, при ежедневном созерцании этих данных его однажды посетит озарение.

Этот канун праздника выдался особенным.

Мать Сяо Мужань серьезно занемогла, и прогнозы врачей были неутешительными. Из-за этого Цэнь Сяо пришлось отправиться встречать праздник в дом бабушки по материнской линии.

С тех пор как Сяо Мужань узнала, что её разлука с Ли Цинли была подстроена родителями, их отношения стали натянутыми. Хотя она продолжала жить под их контролем, холодная война была её единственным способом протеста.

Цэнь Сяо было уже почти двадцать, и за все эти годы его мать практически не бывала в родительском доме, даже по праздникам не достаивая их звонком. Однако родители есть родители: узнав, что мать прикована к постели, Сяо Мужань, как бы ей ни было горько, смягчилась и решила навестить стариков вместе с Цэнь Цином и сыном. Раз уж она

согласилась на этот шаг, юноша не счёл возможным отказать.

По иронии судьбы, в этот день Ли Жун тоже не остался бы без дела.

Старушка, прослышав от Гу Чжаоняня, что внук снова стал лучшим на курсе и претендует на государственную стипендию, настойчиво потребовала его присутствия. Её характер был удивительно отходчивым: стоило юноше в очередной раз едко высмеять её при встрече, как она всё забывала, едва заслышав о его новых успехах. Ей не терпелось похвастаться внуком перед всей роднёй, греясь в лучах его славы.

Даже если Ли Жун плевать хотел на мнение дальних родственников, он не мог игнорировать чувства покойной матери. Как ни крути, Гу Нун была дочерью, исполненной сыновьего долга. Она часто говорила, что Старушке пришлось нелегко, в одиночку поднимая двоих детей; её упрямство и порой деспотичный нрав были лишь бронёй, попыткой защититься от жестокости мира. Со временем это стало её сутью, которую невозможно было изменить.

Ли Жун не планировал задерживаться у родни надолго — собирался лишь вручить подарки и уйти, чтобы избежать затяжных споров. Для Старушки это был уже второй год без Ли Цинли и Гу Нун, и она всё ещё предавалась скорби, пытаясь заполнить пустоту присутствием внука.

Но для самого Ли Жуна это был уже восьмой канун Нового года без родителей. Он привык.

Дом Старушки находился в зоне развития города А, а отец и мать Сяо перебрались на южное побережье в санаторий. Расстояние между ними было огромным, так что Ли Жуну и Цэнь Сяо в этот день встретиться не светило. К счастью, оба они не страдали излишней сентиментальностью и не стремились быть неразлучными каждую секунду.

Ли Жун опустил на корточки и, взрезав картонную коробку ножом, достал бутылку обезжиренного молока. Переливая его в стакан, он буднично заметил:

— На побережье сейчас хорошо. Пользуйся случаем, отдохни пару дней. В праздник не забивай голову делами, всем нам нужна передышка. Я договорился с Тан Хэ потренироваться в первый день нового года, так что можешь не спешить с возвращением.

Цэнь Сяо, сидевший на диване, ответил столь же спокойно, не отрывая взгляда от теленоостей:

— Думаю, дедушка с бабушкой захотят представить меня своим старым друзьям. Там сейчас пик туристического сезона, кругом толпы народу, так что особо не разгуляешься. А ты не слишком усердствуй — ты давно не практиковался, а Тан Хэ порой не знает меры в ударах.

Ли Жун сделал несколько крупных глотков молока:

— Разберусь. Опыта мне не занимать.

— Угу.

За день до праздника Ли Жун собрал их шестёрку на ужин, но на этот раз они выбрали заведение поскромнее.

Причиной тому послужила внезапная слава Линь Циня. В эфир вышел первый выпуск шоу талантов; экранного времени у парня было немного, но тот короткий эпизод, где он появился, оказался настолько ярким, что он мгновенно стал знаменитостью в сети.

Забавно, но прославил его кадр, где он даже не был главным героем. Пока другой участник представлял себя, Линь Цинь стоял на заднем плане, не подозревая, что попадает в объектив. Его мимика и движения были совершенно естественными.

В то время как другие участники нанимали профессиональных фанатов, чтобы те создавали шум в зале, Линь Цинь, не имея подобного опыта, представлял себя в гробовой тишине. Цзянь Фу, не выдержав такого контраста, в порыве благородного негодования выхватил из кармана светящуюся табличку с именем друга, вставил батарейки и задрал её высоко над головой. Однако, понимая, насколько нелепо он выглядит в толпе девчонок с плакатами, юноша нацепил огромные тёмные очки, надеясь скрыть лицо — выглядело это одновременно вызывающе и комично.

На сцене Линь Цинь, увидев этот жест, не смог сдержать смеха. Осознав, что ведет себя непрофессионально, он резко отвернулся, пытаясь вернуть лицу бесстрастное выражение, но сияющие глаза выдали его с головой. Он и не подозревал, насколько живым и притягательным был этот мимолётный момент, врезавшийся в память зрителей.

Именно этот случайный кадр затмил выступление основного участника, а фотографии Линь Циня мгновенно разлетелись по интернету. Чтобы не вызвать беспорядков, друзьям приходилось буквально прятать его от лишних глаз.

Ли Жун вручил каждому по новогоднему подарку. Вещи были не запредельно дорогими, но выбранными с душой — именно то, в чем каждый сейчас нуждался.

— Отдыхайте, празднуйте. О делах подумаем позже.

Цзи Сяочуань собиралась подать заявку на стажировку в «Сухэ», но Ли Жун её отговорил. Во-первых, первокурсникам там делать нечего — такая корпорация не заинтересована в новичках без базы. Во-вторых, у них ещё не было чёткого плана действий, и он опасался, что неопытную девушку могут подловить на чем-то серьёзном.

Цзянь Фу недовольно проворчал:

— Новый год... вечно одно и то же. С каждым разом всё скучнее. Сплошные обязательства и пустая болтовня.

Линь Цинь вздохнул:

— Раз уж я выбрал этот путь, о праздниках можно забыть. Кажется, у нас съёмки даже в новогодние дни.

Цзянь Фу, напротив, заметно оживился:

— Это же отлично! Будешь сниматься, а я приду с табличкой. Всё равно делать нечего, — он повернулся к Цэнь Сяо. — Брат Сяо, ты ведь едешь к тётке Сяо? Значит, вы с Ли Жуном не увидите несколько дней?

— Да, — невозмутимо отозвался тот. — Вернусь через пару-тройку дней.

Цзянь Фу задумчиво протянул:

— Понятно.

Ли Жун тоже оставался спокойным:

— Всего два-три дня. Пролетят — и не заметим.

Цзи Сяочуань добавила:

— Это совсем недолго. Вот тётка Хуэй уезжает в родную деревню на пять или шесть дней.

— Там остались родственники, — пояснила Сюй Танхуэй. — Если не навестить их сейчас, другого шанса может и не представиться.

— Да уж, — подытожил Линь Цинь, — похоже, у всех полно дел.

Наступил канун праздника. С трёх часов ночи небо начало присыпать землю мелкой снежной крошкой, а к утру улицы покрылись тонким белым налётом. Мир вокруг погрузился в безмолвную белизну, но это не давило — праздничная суета, украшения на витринах

магазинов и красные фонарики повсюду создавали атмосферу радостного ожидания.

Цзи Сяочуань давно не была дома. Хотя её семья жила недалеко от Университета А, после того как родители переделали её комнату в кабинет для младшего брата, а её кровать заменили на раскладушку и задвинули в угол, возвращаться ей совсем не хотелось. У них всегда находились оправдания: мол, брат не может сосредоточиться в своей комнате, а её спальня всё равно пустует — если она вернется, всё можно будет быстро восстановить.

Девушке уже давно стало всё равно. Но на Новый год ей пришлось вернуться — всё-таки это время для семьи, да и тётки Хуэй не было в городе, так что в школе ей было бы слишком скучно.

Снова оказавшись в доме, где она прожила столько лет, Цзи Сяочуань вдруг почувствовала себя чужой. За полгода в университете она сильно изменилась, в то время как её родные словно застыли на месте. Впервые ей показалось, что их квартира такая крохотная, а комната, о которой она так пеклась, в масштабах этого тесного мирка не стоит и выеденного яйца.

Оказалось, что родители вовсе не такие великаны, какими она их помнила. Мать была на полголовы ниже её, и теперь, разговаривая с дочерью, ей приходилось заирать подбородок. Оказалось, что кулаки, некогда внушавшие ужас, больше не могут причинить вреда — отец потянул спину и теперь передвигался, припадая на одну ногу.

Оказалось, что брат, которому она так завидовала, в еде и одежде уже давно уступает ей. Девушка управляла интернет-магазином тётки Хуэй, постоянно общалась с Ли Жунем и Цэнь Сяо, каждый день впитывая тонны новой информации и видя мир, о котором раньше не смела и мечтать. Она больше не была той зашуганной школьницей, для которой сосиска в тесте была пределом мечтаний. Она всё ещё любила сосиски, но теперь могла позволить себе дорогие рестораны и качественную одежду.

Родители разложили для неё раскладушку в кабинете и принялись заправлять постель, ворча и смахивая пыль:

— Ох, ну и дочь. Полгода глаз не кажешь, совсем о нас с отцом забыла. И посмотри на свои шмотки, на обувь — за версту видать, что дорогушие. У твоего брата отродясь таких брендовых кроссовок не было. Верно говорят, в университете деньги сквозь пальцы утекают. Сплошное тщеславие, лишь бы перед другими выпендриться.

Цзи Е, закусив палочку для еды, во все глаза уставился на обувь сестры. В его возрасте он ещё не разбирался в брендах, его просто мучило любопытство: почему родители не купили такое ему, а сестра это носит?

Цзи Сяочуань холодно ответила:

— Я ведь не просила у вас денег, верно?

В кабинете воцарилась тишина, а через мгновение раздался ещё более напористый голос:

— И откуда же они тогда взялись? Смотри у меня, не вздумай влезть в микрозаймы какие. По телеку говорят, это всё обман, проценты сумасшедшие. У нас с отцом денег нет долги твои раздавать. Сиди смиренно, мы люди бедные, нечего с богатыми в роскоши соревноваться.

Девушка обвела взглядом тесную гостиную и поняла, что у неё нет ни малейшего желания оправдываться или спорить. Она ушла уже слишком далеко, и в глубине души была бесконечно благодарна Ли Жуну за то, что он вытащил её отсюда.

В новогоднюю ночь Цзянь Фу прикончил бутылку красного вина вместе с Цзянь Чанли. Оба изрядно захмелели. Хотя отец и раньше знал, что сын не прочь выпить, это был их первый настоящий поединок.

Цзянь Фу со стеклянным взглядом приобнял Цзянь Чанли за плечо и, глупо улыбаясь, пробормотал:

— Пап... праздник же... У меня к тебе одна просьба. Обещай, что выполнишь.

Тот, несмотря на выпитое, соображал еще неплохо. Прищурившись, он стряхнул руку сына:

— Нет.

— Ну почему-а? — всполошился парень.

Отец хмыкнул:

— От тебя ничего хорошего не дождёшься.

Цзянь Фу хихикнул и заговорщически прошептал ему на ухо:

— Может, и не хорошего, но у меня доступа не хватает. Я копаю под сына Хань Цзяна, но этот старый лис всё так чисто подмёл, что я буксую. Помоги мне, а? Твоих прав доступа точно хватит.

Глаза Цзянь Чанли округлились:

— Ты посмел копать под Хань Цзяна?! Ты с ума сошёл, малец?!

Но юноша ничуть не испугался гнева отца:

— Пап, ну чего ты такой трус? Что Хань Цзянь? Это место разве не для моего брата припасено?

Тот потерял дар речи. Его сын окончательно отбилась от рук под влиянием Цэнь Сяо, и возвращать его на путь истинный было уже поздно.

Цзянь Фу продолжал давить на логику:

— Хань Цзянь и так знает, что наш Первый район во всё это ввязался. Мы уже на одной стороне баррикад, пап. Давай прижмём его!

Отец промолчал. Сын вытянул шею и заорал на весь дом:

— Ма-ам! Какой у отца пароль доступа? Скинь мне на телефон!

— Да я тебе сразу трон свой отдам, принц недоделанный! — взорвался Цзянь Чанли.

Пьяный Цзянь Фу не уловил сарказма и как ни в чем не бывало ответил:

— Рановато ещё... Давай хоть диплома дождёмся.

— Пошёл вон! — гаркнул отец, отвесив ему легкого пинка. — В свою комнату марш, фантазёр!

Линь Циня после съёмок родители сразу отвезли к бабушке. Они знали, что их сын теперь знаменитость — а кто в этой индустрии не мечтает о славе? Выделиться среди сотни участников благодаря кадру, даже не связанному с пением... Они буквально светились от гордости.

— Всё-таки мой сын — красавец, — не унималась мать. — В таких шоу голос — это одно, а внешность — куда важнее.

— Весь в меня, — поддакнул отец. — Копия я в молодости. И почему я в своё время не пошёл по этой стезе?

Мать лишь фыркнула:

— Где это в тебя? Сын — вылитая я, мне это с пелёнок твердят. Кожа белая — моя, волос

густой — мой, а глаза какие огромные! Чистая я.

Линь Циню оставалось лишь соглашаться:

— Да, я похож на вас обоих. Довольны?

Мать с любопытством подалась вперед:

— Сынок, я всё хотела спросить. Что ты там на сцене увидел, что так засиял? В сети фанаты вовсю строчат про «сладкую любовь», даже мемов наделали.

Юноша с трудом сглотнул и опустил голову, пряча взгляд:

— Да не помню я... Давно это было. Просто смешно стало.

— Ах, как мой мальчик улыбается! — вздохнула мать. — Раньше ты так никогда не светился. Совсем взрослый стал, научился девчонок очаровывать.

— Никого я не очаровывал, — тихо буркнул он под нос.

— Да я же читала комментарии! Все за тебя замуж хотят. Честно скажу, сынок, это было так искренне, так трогательно. Посмотри потом сам запись — в кино так же улыбаться надо.

Линь Цинь нервно сжал палочки для еды. Его актерское мастерство было далеко не так совершенно, чтобы выдавать нужную эмоцию по заказу. Это выражение лица предназначалось только для одного конкретного человека.

В пять утра Цэнь Сяо уехал в аэропорт. Ли Жун сквозь сон услышал хлопок двери, но глаз открыть не смог и провалился в забытье. Проснувшись, когда уже рассвело, он не обнаружил партнёра, но это его не расстроило. Он принял душ, прибрался и отправился к Старушке.

На этот раз обе стороны, казалось, извлекли уроки из прошлого: никто не поднимал тему Ли Цинли и Гу Нун, так что в большом семейном кругу удалось сохранить видимость мира. Впрочем, Ли Жун едва прикоснулся к обеду и настоял на том, чтобы вернуться домой.

В пустой квартире ему было уютно. Канун праздника не казался чем-то из ряда вон выходящим. Он решил, что пока Цэнь Сяо нет, он посмотрит все фильмы, что накопились за полгода, хорошенько выспится, а на следующий день пойдет в зал к Тан Хэ.

Цэнь Сяо же с момента посадки самолёта не присел ни на минуту. Бабушка и дедушка по материнской линии души не чаяли в единственном внуке, окружая его безграничной заботой. Несмотря на мятежный дух Сяо Мужань, они считали её брак с Цэнь Цином своим главным достижением, а внука — его венцом. Пока он был частью семьи, союзу Сяо и Цэнь ничто не угрожало.

Увидев внука, мать Сяо заметно приободрилась. Сидя в постели, она крепко сжимала его руку и сияла от радости:

— Цэнь Сяо, слышала, ты уже вовсю работаешь в Девятом районе. Совмещать учёбу и такую службу, должно быть, очень тяжело?

Она уже знала о его заслугах, и этот внук казался ей всё более достойным наследником.

— Нормально, — кивнул юноша.

— Ты молодец, — с гордостью произнесла Старушка. — Ты превзошёл своих родителей. В будущем тебя ждёт великий путь, и всё достояние семей Сяо и Цэнь перейдёт к тебе.

Ему было плевать на богатства, но бабушка каждый раз заводила эту шарманку, и спорить с ней было лень.

— Хорошо.

— Тебе скоро двадцать. Не такой уж и ребенок, — продолжала она. — У моей подруги есть внучка. Прекрасная девушка, и внешность, и характер — всё при ней. Семья под стать нашей, да и она всего на пару месяцев младше тебя. Не хочешь познакомиться? Та, которую тебе прочила мать... эта Сун... Сун как там её... та семья нам не подходит. Хорошо, что ты не согласился.

Слушая мать, Сяо Мужань ощутила, как в груди снова закипает глухая обида. Она не понимала, почему жажда контроля у её родителей не имеет границ: сначала они распорядились её судьбой, а теперь лезут в жизнь сына. Она уже открыла рот, чтобы возразить, но Цэнь Сяо опередил её:

— У меня уже есть тот, кого я люблю.

Сяо Мужань замерла от неожиданности. Она знала, что у него кто-то есть, но не имела представления о личности этого человека. Теперь, когда он попал в отряд «Призрачный глаз», его скрытность стала абсолютной. К тому же эти слова в точности повторяли её собственную фразу много лет назад.

Взгляд матери Сяо мгновенно стал колючим:

— И кто это? Ты хорошо узнал этого человека? Твоя работа в отряде «Призрачный глаз» накладывает свои обязательства, любовь — дело серьёзное. Из какой семьи эта партия?

— Его семья лучше моей, — отрезал Цэнь Сяо.

И это была чистая правда. Он с самого детства завидовал этому человеку. Тот был любимым ребёнком, рос в атмосфере безмятежности и нежности, сохранив во взрослом возрасте очаровательные привычки и черты характера, каждую из которых юноша обожал.

«Например, Ли Жун, при всей своей зрелости и остром уме, любил, когда ему потакают. Но когда он был по-настоящему счастлив, он старался этого не показывать, боясь показаться по-детски наивным»

«Например, когда он действительно кого-то злил и понимал свою вину, он изо всех сил старался перевести тему. Если это удавалось, он делал вид, что ничего не произошло, а если нет — ему оставалось только пустить в ход очарование. Перед его нежностью Цэнь Сяо был абсолютно беззащитен»

«Например, он прекрасно знал, что сам предпочитает пресную еду, а Цэнь Сяо любит острое. Иногда он с нарочитым великодушием приглашал его в ресторан сычуаньской кухни, но стоило Цэнь Сяо предложить вместо этого димсамы, как Ли Жун буквально лучился от радости»

«Например, он был крайне требователен к себе. Потренировавшись месяц, он тут же лез к Цэнь Сяо мериться силами, а когда его с лёгкостью прижимали к полу, он чувствовал досаду и непременно стремился отыгаться в чём-то другом. И когда он получал желаемое, в постели он становился неистовым и возбуждённым»

«Например, в прошлой жизни он привык к одиночеству и холоду, не подпуская к себе никого. В этой же жизни у него внезапно появилось столько друзей; видя, что его любят, он стал чаще улыбаться. И когда он, сощуриль глаза, грелся в лучах чужой доброты, это заставляло сердце трепетать»

Цэнь Сяо осознал, что спустя всего восемь часов разлуки он уже безумно скучает по своей жене.

<http://bllate.org/book/15351/1503777>